

фрагменты прошлого: встреча с Вероникой Полонской

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

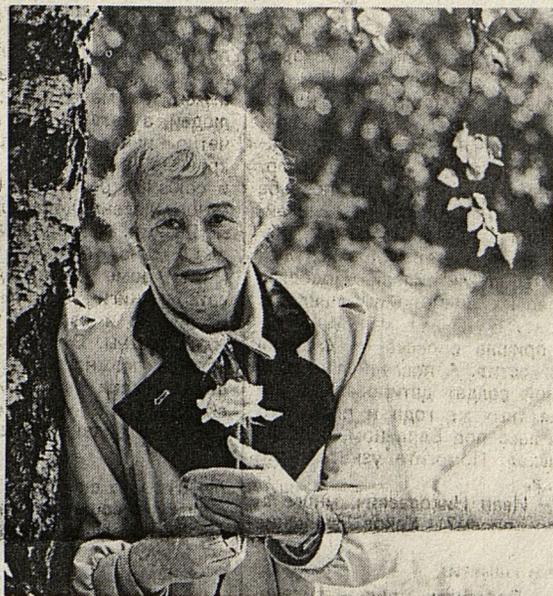
Марина ОРЕШИНА

На ее двери, как, впрочем, и на соседних, на шнурке висит белая прищепка вместо почтового ящика.

А еще — небольшая табличка: «Вероника Витольдовна Полонская».

Да, та самая Полонская, которую Владимир Владимирович Маяковский в своем последнем, предсмертном письме назвал в числе самых близких и дорогих ему людей. Помните: «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им

сносную жизнь — спасибо...».

ЧУВСТВУЮ, как волнуясь. Осторожно стучу. — Входите, дверь не заперта, — слышу в ответ довольно молодой, приятный женский голос.

Делаю шаг и оказываюсь в крошечной прихожей, из которой можно попасть в две половинки комнаты, разделенной перегородкой. Одна из них — спальня, другая — кабинет, гостиная, словом, все остальное (живет Вероника Витольдовна в Доме ветеранов сцены имени А. А. Яблочкиной). И хотя мебель казенная, с потрепанной обивкой, повсюду царит уют необыкновенный.

— Никогда в жизни не могла себе представить, что все так обернется, и я окажусь здесь, — признается Вероника Витольдовна. — Правда, сейчас я не жалею. Думаю, что так правильнее: не хочу никому быть в тягость.

Москва, 1908 год. В семье известного актера немого кино Витольда Альфонсовича Полонского и актрисы Ольги Григорьевны Полонской, в девичестве Гладковой, июньским днем рождается дочь. Мать сначала хочет назвать ее Норой — именем своей любимой ибсеновской героини. Но в святцах такого имени, естественно, нет, и тогда родители нарекают дочку Вероникой. Тем не менее и в детстве, и много позже продолжают звать ее Норой. Это имя предпочтет и Маяковский.

Однажды он прочитает Полонской отрывки из поэмы «Во весь голос», которые до этого она даже и не слышала, и не знала, когда были написаны. Там будут такие слова:

Любит? не любит? Я руки ломаю и пальцы разбрасываю разломавши.

А потом Владимир Владимирович скажет:

— Это написано о Норкище.

Не хотела Полонская бросать и театр, хотя просьбы об этом со стороны Владимира Владимировича звучали все чаще, все требовательнее.

В своих воспоминаниях, опубликованных два года назад в «Вопросах литературы» (1987, № 5), Вероника Витольдовна дала на это, наверное, самый исчерпывающий ответ: «Жизни я не знала. Близких людей в этот период у меня не было. Я ото всех отошла. Во-первых, потому, что моя жизнь была полна через край Маяковским, а во-вторых, благодаря должности моего положения я ни с кем не могла говорить о своих отношениях с Владимиром Владимировичем. Все приходилось переживать одной, смутно...».

Все пережитое привело в конце концов молодую женщину к сильной апатии. Ссоры становились все более частыми, вспыхивали без особых причин, на ровном, как говорится, месте.

— После очередной ссоры, — волнуясь, вспоминает Вероника Витольдовна, — Маяковский разыскал меня по телефону во МХАТе — тогда шел какой-то дневной спектакль и был антракт. Он говорил, как

го — на вечере у Катаева, и четырнадцатого — на Лубянке у Маяковского.

— В тот страшный день, 14 апреля, — говорит взволнованно Вероника Витольдовна, — Маяковский приехал за мной очень рано на такси — его шофер был выходной. Накануне мы встретились у Катаева, и там оба вели себя недостойно: оскорбляли друг друга, всячески унижали. После происшедшего Владимир Владимирович спешил со мной объясниться и потому привез к себе домой на Лубянку, где мы обычно с ним встречались.

Помню, говорил, что подобное никогда не повторится. Требовал, чтобы я не ходила в театр, хотя у меня там была очень важная репетиция с Немировичем-Данченко. Просил, чтобы я осталась у него и совсем не объяснялась с Яншиным, мол, с ним он объяснится сам. Запирал дверь, не пускал меня. А потом пришел книгоноша и принес Маяковскому собрание сочинений Ленина. Увидев, в каком состоянии находится Владимир Владимирович, он свалил книги на тахту и поспешил уйти. Дверь оставил открытой, и я направилась к ней. Тогда между нами произошел сле-

28

Любит? не любит? Я руки ломаю и пальцы

разбрасываю разломавши.

А потом Владимир Владимирович скажет:

— Это написано о Норкище.

Нора, Норкище, Норкочка, «невесточка» — называл Маяковский любимую. Но это будет в 1929—1930 годах. А до этого, с ранних лет получившая возможность все решать сама — отец умер, когда Веронике было десять лет, мать же всегда придерживалась мнения: «Мне это не нравится, но делай, как хочешь». Полонская держит экзамен в Школу-студию МХАТа. Ей тогда не исполнилось и шестнадцати.

— Окончив студию, я стала работать во МХАТе, — говорит она. — Вначале участвовала в народных сценах, но кое-что и играла. В «Синей птице», «У жизни в лапах», где партнером у меня был Василий Иванович Качалов. Позднее была роль в пьесе «Наша молодость» — инсценировке романа Виктора Кина «По ту сторону». Играла еще в «Сестрах Жирар» — слепую. Тоже большая роль. Для меня, начинающей актрисы, это было настоящим событием.

Не все и не всегда складывалось для меня гладко. Естественно, хотелось больше играть, а ролей давали мало. Ну, а потом я все-таки отважилась и перешла в театр под руководством Юрия Завадского. Он, как мне кажется, немного был формалистичен, но, во всяком случае, с ним было очень интересно работать. Там я играла Юдифь в «Ученике дьявола», во французской пьесе «Школа неплательщиков», в «Днях нашей жизни»...

А потом был Театр имени М. Н. Ермоловой, в нем Вероника Витольдовна играла вплоть до 1973 года, пока не ушла на пенсию.

В семейном архиве до сих пор сохранились пожелтевшие от времени газетные вырезки с рецензиями на спектакли, в которых довелось принимать участие актрисе Полонской. Среди них для меня были приятным открытием рецензии, опубликованные в «Московском большевике», — так в свое время называлась «Московская правда». В Андреев в заметке «Новые исполнители в старых спектаклях» восторженно писал об игре Вероники Витольдовны в спектакле «Бешеные деньги»: «В. Полонская радуется умным толкованиям роли, мягкими сценическими красками, завершенностью артистической формы. Ее исполнение обогащает этот интересный, по-прежнему пользующийся большим успехом у зрителей спектакль Театра имени Ермоловой».

Полонская всегда горела театром. Немалую роль он занимал в ее жизни уже тогда, когда впервые на бегах она встретилась с Маяковским. Познакомил их Осип Максимович Брик. Веронике был 21 год, Владимиру Владимировичу — 37. Он казался старше своих лет, и Полонская почтительно называла его на «вы».

После бегов они условились встретиться. — Вечером мы были у Катаева, — вспоминает Вероника Витольдовна. — Там мы понравились друг другу больше, чем накануне. Владимир Владимирович даже сказал мне тогда: «Почему вы так меняетесь? Утром, на бегах, были уродом, а сейчас — такая красавица».

Мы стали встречаться с ним ежедневно и вскоре сблизились. Как-то в один из вечеров, провожая меня домой, к немалому моему удивлению, как, впрочем, и всех, кто проходил мимо, Маяковский пустился танцевать мазурку. Очень большой, он танцевал легко, раскованно, а иногда и комично. И я понимала, что ему хорошо со мной, что он счастлив...

Их отношения омрачало замужество Полонской. Семнадцатилетней девушкой она стала женой актера Михаила Яншина. И хотя их супружество давно стало чем-то обыденным и ни о какой любви и речи не было, Вероника никак не могла найти в себе силы признаться во всем мужу.

говорится, месте.

— После очередной ссоры, — волнуясь, вспоминает Вероника Витольдовна, — Маяковский разыскал меня по телефону во МХАТе — тогда шел какой-то дневной спектакль и был антракт. Он говорил, как ко мне относится. Что есть у него письменный стол, есть лампа, есть какие-то вещи, комната, но все это нужно до тех пор пока существую я. Без меня для него ничего не имеет смысла. А потом так, между прочим, спросил: «Да, Нора, кстати, я написал письмо к правительству и упомянул вас. Вы ничего не имеете против?». Я сказала: «Какое письмо? Ничего не понимаю. Упомяните». Потом раздался звонок, и я побежала на сцену.

Это было 12 апреля, за два дня до смерти поэта.

— Вероника Витольдовна, в своих воспоминаниях вы пишете, что 12-го числа, сразу после спектакля вы встретились с Маяковским у него дома. К разговору с вами он готовился заранее, написал даже подробный план, и что листок с планом находился у Лили Брик. Где сейчас это свидетельство вашей встречи с Маяковским? Уцелело ли оно?

Да, план уцелел, хранится в музее Маяковского. Взгляните, как он выглядит.

Вероника Витольдовна протягивает мне машинописный текст со сделанными в нем авторучкой вставками. Вот он без изменений:

«1) Если любят — то разговор приятен, 2) если нет — чем скорей, тем лучше, 3) Я первый раз не раскаиваюсь в бывшем будь еще раз такой случай буду еще раз так поступать, 4) Я не смешон при условии наших отношений, 5) В чем сущность моего горя, 6) Не ревность, 7) Правдивость человечность нельзя быть смешным, 8) Разговор — я спокоен, од (?) день только не встретимся и в 10 ч. 9) Пошел к трамваю тревога телефон не была и не должна быть шел наверняка кино если и не были Мих. Мих. (Яншин) делился (? — думал) со мной не звонил, 10) Зачем под окном разговор, 11) Я не кончу жизнь не доставлю такого удовольствия худ. театру, 12) Сплетня пойдет, 13) Три способа повидаться если я не прав, 14) Поездка в авто, 15) Что надо прекратить разговоры, 16) Расстаться сию же секунду или знать что делается».

Маяковский сказал Полонской все, что наметил в этом плане. Расстались они мирно. Вероника Витольдовна завершила Маяковского, что станет его женой, подумает, как лучше все объяснить Яншину. Просила Владимира Владимировича уехать куда-нибудь хотя бы на два дня. Так они и решили — 13 и 14 апреля не видятся. Однако встреча произошла и тринадцато-

Такой ее знал Маяковский (снимок конца 20-х годов).

и принес Маяковскому собрание сочинений Ленина. Увидев, в каком состоянии находится Владимир Владимирович, он свалил книги на тахту и поспешил уйти. Дверь оставил открытой, и я направилась к ней. Тогда между нами произошел следующий разговор:

— Значит, пойдешь на репетицию?

— Пойду. Вы позвоните?

— Да, я позвоню. Иди, не беспокойся, позвоню. Деньги на такси у тебя есть?

— Нет.

Он дал мне на такси 20 рублей.

— Вы позвоните мне? — спросила я Владимира Владимировича в последний раз.

— Да, позвоню, иди, — ответил он.

Я вышла, и, уже когда была в передней, раздался выстрел. Я стала метаться тут же по коридору, какой-то момент, секунду, а когда заставила себя открыть дверь, то в комнате еще витал дымок от выстрела. Владимир Владимирович умирал на моих глазах. Он сначала силился поднять голову, смотрел на меня, но глаза постепенно стекленели. Потом он стал бледнеть, бледнеть. Помню, сама убитая всем происшедшим, только повторяла: «Что вы сделали? Что вы сделали...». Да, это на всю жизнь незабываемо.

Вероника Витольдовна, сейчас многие журналисты, писатели пытаются провести собственные расследования обстоятельств гибели Владимира Владимировича, разобраться в том, что послужило причиной его решения расстаться с жизнью. Скажите, что вы обо всем этом думаете?

— Давно хочу поделиться своими мыслями.

Владимир Владимирович очень дорожил жизнью, следил за своим здоровьем. Об этом я писала и в своих воспоминаниях. Например, о том, что он никогда не брался за перила, ручку двери открывал платком. Все стаканы обычно протирал. Был очень мнителен. При ничтожном недопомогании ложился в постель. И теперь, когда в «Пятом колесе» ведутся досужие разговоры о том, что у Маяковского была дурная болезнь, язык даже не поворачивается ее называть, становится совсем не по себе.

А версия, что Маяковского застрелили, прозвучавшая в телепередаче «До и после полуночи»? Она тоже на меня ужасно подействовала, ведь все, что там говорилось, абсолютный абсурд. Спрятаться в комнате на Лубянке никто не мог — она очень маленькая. Укрыться под тахтой? Не подлезешь. В окно тоже никто не мог залезть — в тот день оно было закрыто. И потом это четвертый этаж! Да и след вообще должен ведь был какой-то остаться — его нет.

Больно обо всем этом говорить, больно и обидно. Тем более, что вся трагедия разыгралась на моих глазах и не верить собственным глазам я не могу.

Что же касается того, что послужило поводом к самоубийству Маяковского, уверена — равнодушие. Равнодушие к выставке, устроенной по поводу его двадцатилетней литературной деятельности в Клубе писателей. Неудача пьесы «Баня», к которой остались равнодушны и критики, и литературная среда. Вхождение Маяковского в РАПП, где он чувствовал себя одиноким... И это все копилось, копились. Помнится, утром 14 апреля Владимир Владимирович сказал мне, что не покончит жизнь самоубийством, не хочет причинить боль маме. Но через двадцать минут его не стало.

Конечно, в его гибели есть и доля моей вины. От этого я не отказываюсь. Как и не отказываюсь от того, что любила Маяковского. Он навсегда вошел в мою жизнь.

В предсмертном письме Владимира Владимировича Маяковского есть такие строки: «Всем! В том, что умираю, не вините никого и пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любит».

Хорошо бы все-таки прислушаться к словам завещания поэта.

28